

СТЕНЛИ ЛЕЙН-ПУЛ

Берберские ПИРАТЫ

ИСТОРИЯ
ЖЕСТОКИХ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ
СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ
XV—XIX ВВ.

Стенли Лейн-Пул

**Берберские пираты. История
жесточких повелителей
Средиземного моря XV-XIX вв.**

«Центрполиграф»

1890

УДК 94(61)
ББК 63.3(6)

Лейн-Пул С.

Берберские пираты. История жестоких повелителей Средиземного моря XV-XIX вв. / С. Лейн-Пул — «Центрполиграф», 1890

ISBN 978-5-9524-5445-3

На протяжении более чем трех столетий народы Европы, занимавшиеся торговлей, были вынуждены вести свои дела с оглядкой на действия морских разбойников, промышлявших в Средиземном море. Британский востоковед Стенли Лейн-Пул рассказывает о золотом веке берберских пиратов, исследует причины, побудившие мавров освоить опасное ремесло, описывает крупнейшие морские сражения. Историк прослеживает жизненный путь знаменитых османских корсаров – братьев Аруджа и Хайр-эд-Дина Барбаросса и других прославленных турецких и мавританских пиратов, наводивших страх на мирных купцов и военный флот могущественных держав.

УДК 94(61)

ББК 63.3(6)

ISBN 978-5-9524-5445-3

© Лейн-Пул С., 1890
© Центрполиграф, 1890

Содержание

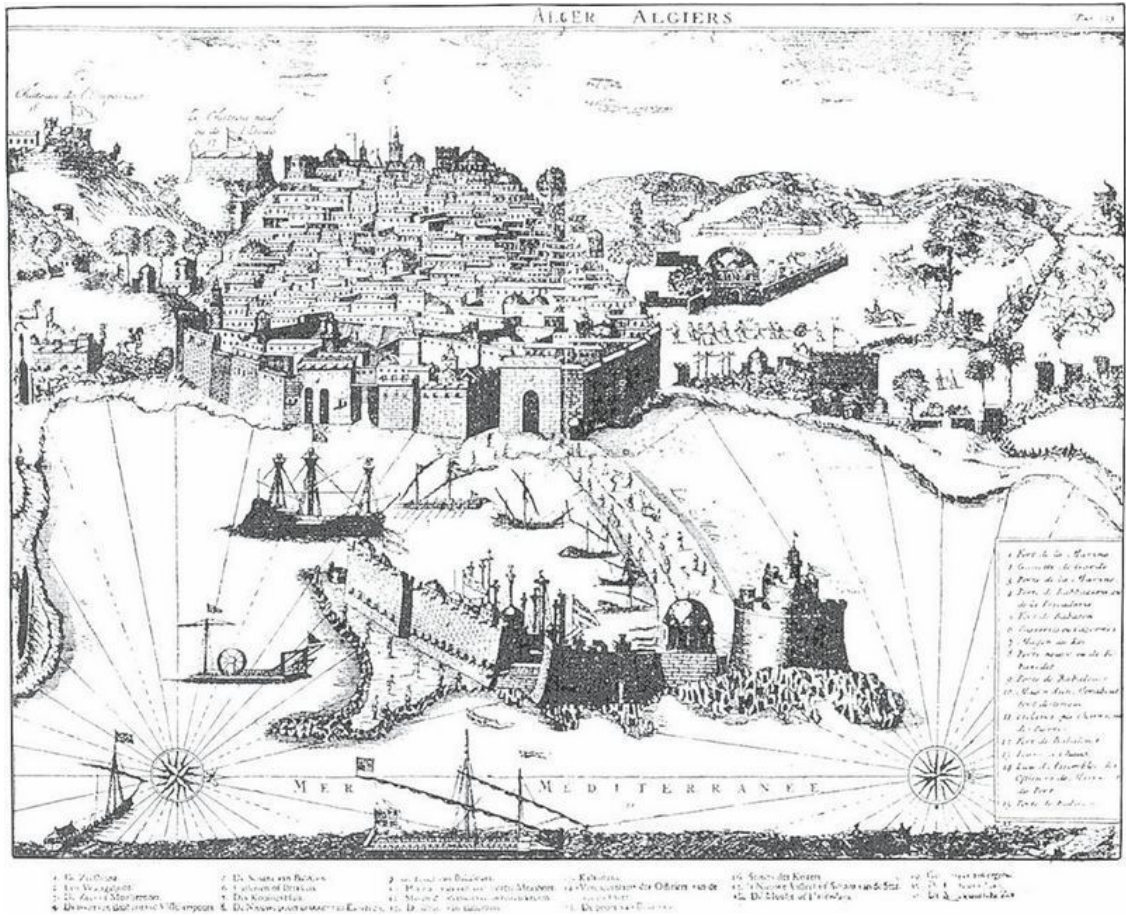
Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Часть первая	19
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Стенли Лейн-Пул
Берберские пираты. История
жестоких повелителей
Средиземного моря XV–XIX вв.

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

Введение Берберские пираты

Алжир, 1700 г. Фрагмент карты из коллекции Британского музея

Глава 1

Месть мавров

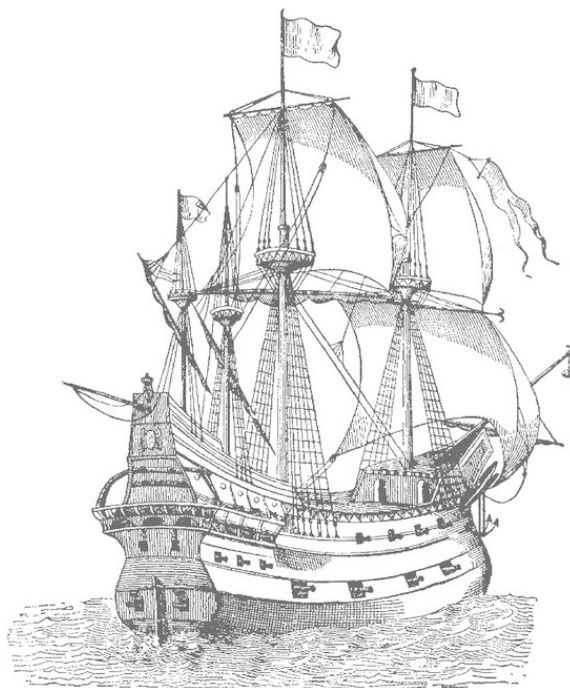
На протяжении более чем трехсот лет народы Европы, занимавшиеся торговлей, были вынуждены продолжать вести свои дела с оглядкой на действия пиратов или отказываться из-за них от достижения поставленных целей. С того момента, как Барбаросса бросил вызов всей мощи государства императора Карла V, до первых десятилетий XIX столетия, когда алжирские разбойники получали добычу, наставив на своих жертв дуло пистолета, из всех моряков Европы именно пираты были повелителями малых морей, навязывавшими свои условия всем, кто там оказывался. Ослабить их удалось только благодаря созданию в недавнем прошлом мощного современного военно-морского флота, а для того, чтобы окончательно подавить их, требовалось по меньшей мере захватить слишком комфортабельные участки побережья, которые они считали своей собственностью.

На протяжении этих трех столетий они вымогали деньги у всех торговцев, чьи деловые интересы распространялись на Средиземноморье. Венецианцы, генуэзцы и пизанцы в более далеком прошлом, а впоследствии и власти Англии, Франции, Голландии, Дании, Швеции и Америки нанимали охрану, которая за отдельные свои услуги или регулярно получала плату, или периодически удостаивалась дорогостоящих подарков. Наказание за нежелание делать это было слишком хорошо, и не требовалось приводить каких-либо примеров; свидетелями последствий стремления к независимости были тысячи рабов-христиан, томившихся в рабских тюрьмах Алжира.

Пока европейские народы конфликтовали друг с другом вместо того, чтобы объединиться в борьбе с общим противником, многие люди продолжали попадать в подобное униженное положение. Эпидемия не ослабевала, и на ее окончание не было ни малейшего шанса, пока нападения пиратов на Испанию были выгодны Франции, а голландцы, охваченные завистью к другим государствам, заявляли о том, что им необходим Алжир. О совместных действиях, в том числе направленных на борьбу с бичом христианства, наиболее влиятельные государства договорились только в конце Наполеоновских войн, на Ахенском конгрессе 1818 г. И даже тогда не удавалось достичь каких-либо значимых результатов до тех пор, пока Франция не стала сочетать стремление к увеличению своей территории с ролью цивилизаторской силы.

Пираты промышляли в Средиземном море задолго до того, как за этот промысел взялись турки. Как только стали появляться первые лодки, люди начали осознавать, что с их помощью можно грабить себе подобных. Одним из древнейших примеров можно считать разбойничье по своей сути путешествие Ясона и похищение им золотого руна. В целом греки во все времена славились именно тем, что следовали примеру Ясона как на море, так и на суше. Однако мусульмане на протяжении какого-то времени привыкали к опасностям, которые таят в себе морские глубины. Поначалу они искренне поражались, глядя на «тех, кто бороздит море на кораблях и занимается делами в безграничных водах», но при этом они не спешили следовать примеру таких людей. В начале завоевания Египта халиф Омар отправил своему военачальнику письмо, в котором спрашивал его, на что похоже море, и Амр ответил: «Море – это огромный зверь, по которому глупые люди скачут, подобно червям по бревнам». Сильно

обеспокоенный этими словами благоразумный халиф повелел, чтобы ни один мусульманин не перемещался по столь необузданной стихии без его позволения.

Галеон XV в.

Однако вскоре стало понятно, что мусульманам следует научиться плавать, если они хотят отстаивать свои интересы перед соседями (и тем более не позволять этим самым соседям отстаивать их собственные интересы). И следовательно, в первый век Хиджры халиф Абд-эль-Малик уже советовал своему полководцу в Африке использовать Тунис в качестве арсенала и корабельной верфи, а также собрать там флот. Начиная с этого времени мусульманские правители государств, расположенных на берберском побережье, никогда на протяжении долгого времени не оставались без разного рода кораблей. Правители из династии Аглабидов, отплыв из Туниса, захватили Сицилию, Сардинию и Корсику. Халифы из династии Фатимидов воевали на море с великим халифом Кордовы Абд-ар-Рахманом, флот которого состоял из двухсот кораблей. Многочисленным флотом, состоявшим из весьма вместительных кораблей, обладали и Альмохады, перевозившие на них свои войска в Испанию, а их преемники, правившие в Северной Африке, хотя и были менее могущественными, как правило, могли содержать несколько судов, предназначенных для проведения не только торговых, но и наступательных операций.

Позднее, на протяжении периодов позднего Средневековья, между правителями государств, расположенных на берберском побережье, в частности Туниса, Тлемсена, Феса и т. д., и христианскими народами, занимавшимися торговлей, сложились дружественные и непредвзятые отношения. Судя по тексту сохранившихся до нашего времени договоров, обе стороны осуждали и (насколько это было возможно) пресекали пиратство и способствовали развитию взаимовыгодной торговли. Мирные отношения прекратили свое существование только в начале XVI в., и произошло это следующим образом.

Фердинанд и Изабелла, принявшие мудрое решение выселить испанских мавров, позабыли о том, что изгнанники могут отомстить. Сразу после падения Гранады охваченные отчаянием мавры покинули землю, которую на протяжении семисот лет считали своим домом, и, не желая жить под игом испанцев, пересекли пролив, отделявший Европу от Африки, где селились в различных опорных пунктах, таких как Шершель, Оран, а особенно в Алжире, о кото-

ром до тех пор вряд ли кто-то слышал. Едва поселившись в новых землях, изгнанные мавры поступили так, как и любой на их месте, – принесли войну в страну своих угнетателей. Они не могли схлестнуться с испанцами на поле боя из-за значительно уменьшившейся численности, но на море быстрота и знание побережья позволили им совершить возмездие, которого они так жаждали.

Благодаря науке, традициям и наблюдениям мы знаем, что человек имеет определенное сходство с хищным зверем. Используя силу и ловкость, он убивает свою добычу или заманивает ее в западню. Человек цивилизованный делегирует право совершать самые жестокие убийства профессионалам и, если вообще убивает, доводит свое развлечение до уровня спорта, оттачивая мастерство, а также испытывая волнение из-за чувства неуверенности и возможного риска. Однако цивилизованный человек все еще слишком склонен питаться себе подобными, хотя при этом и не использует грубых способов, применявшихся его предками. Он питается слабостью ума и характера, жадностью и природной склонностью человечества к азартным играм. Того, кто сумел достичь наибольшего масштаба, мы называем дельцом, а самым скромным его «коллегой» можно считать вора-карманника.

Этот хищнический дух одновременно настолько древний и всеобъемлющий, что читателю, несомненно полностью лишенному этих заслуживающих порицания черт, тем не менее необходимо попытаться понять, какую радость может приносить грабеж, доведенный до уровня изящного искусства. Возможно, некоторые циники скажут, будто единственная причина, по которой не все мы являемся ворами, заключается в том, что мы недостаточно храбры для этого. К тому же в том, что человек предпочитает подвергать себя бесчисленным опасностям во время противозаконного преследования своей жертвы, а не заниматься честным повседневным трудом, несомненно, помимо вполне естественной порочности и греховности, имеется и определенное очарование. В этом предложении как раз и содержится ответ на заданный ранее вопрос: дух искателей приключений, стремление к соревнованиям, свойственное большинству людей, возбуждают риск и неопределенность.

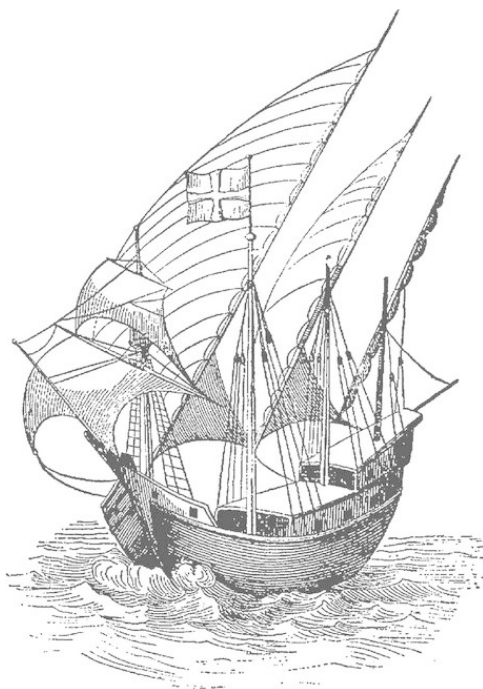
Все это, а также многое другое привлекало и наших мавританских грабителей. Будучи людьми храбрыми и дерзкими, они и раньше нередко показывали себя в борьбе с испанцами и в неистовых морских набегах на населенные христианами берега, возможно Сардинии или Прованса. Однако теперь они поставили перед собой цель, значительно превосходившую все сделанное ими раньше, – справедливое возмездие тем, кто выгнал их из домов и бросил их на волю волн, чтобы они не шли новое прибежище в священной войне против убийц их родных и близких и хулителей их неприкосновенной веры. Что помимо путешествия на легком бриге вдоль пляжа Алжира и его укомплектования людьми для плавания в испанские воды может принести такую острую радость и торжество?

На бортах небольшого корабля всего по десять весел, каждое из которых держит в руках человек, которых умеет не только грести, но и сражаться, ибо на борту *фиркаты* нет места для обычных обитателей суши. Если с суши будет дуть попутный ветер, особенно активно грести морякам не придется, и благодаря большому треугольному парусу, закрепленному на его единственной мачте, судно быстро поплывет по прибрежным водам между побережьем Африки и Балеарскими островами, где так удобно следить за испанскими галерами или, возможно, итальянской полякрой. Небольшую эскадру бригов, сидящих в воде довольно неглубоко, можно провести вверх по течению практически любой речки или прятать за скалой до тех пор, пока на горизонте не покажется враг. Затем, опустив весла в воду и на протяжении нескольких минут энергично гребя, моряки догоняют ничего не подозревающую жертву и делают первый залп. После этого они забираются на борт, и завязывается рукопашный бой; на юте, под предназначенным для капитана балдахином, несчастные предпринимают последнюю отчаянную попытку дать отпор противнику, и вот желанная добыча захвачена, пленников заковывают в

кандалы, на борт отправляется временная команда, и одержавшие победу моряки возвращаются в Алжир, где их встречают радостные возгласы соплеменников.

Моряки также могли сойти на берег в столь любимой ими Андалусии. Затем небольшие корабли заводили в расщелины между скалами или даже закапывали в песок, и пираты украдкой пробирались в одну из деревень, расположенных в глубине материка и так хорошо знакомых им, потерю которой они не переставали оплакивать. В Испании у них все еще оставалось много друзей, жаждавших помочь им в борьбе против угнетателей и спрятать, если их застанут врасплох. Спящих испанцев будили, а затем с мрачным видом успокаивали с помощью оружия. Захватчики закидывали себе на плечи их жен и дочерей и уносили прочь, забирали все ценное, и вскоре радостные разбойники плыли в Алжир на кораблях, нагруженных добычей и пленниками, а нередко и в сопровождении подвергавшихся гонениям сородичей, которые, охваченные чувством благодарности, присоединялись к своим родственникам, уже успевшим обрести новый дом. Свершение подобной мести испанцам придавало жизни мавров остроту.

Несмотря на все их умения и скорость, знание побережья и помощь сородичей, остававшихся на берегу, существовал риск того, что пиратов поймают. Иногда, плавая на своих бригах, они, ожидая легкую добычу, тем не менее сталкивались с более сильным противником, и оказывалось, что судьба мавров переменилась, а сами они вынуждены становиться олицетворением триумфа своих пленителей и на протяжении многих лет (а возможно, и до конца жизни) сидеть закованными в цепи на банках венецианской или генуэзской галеры, орудуя принадлежавшими неверным веслами даже во время погони за истинно верующими и постоянно пялясь на рубцы на обнаженной спине сидящего спереди гребца, никогда не засыхавшие из-за ударов плети. Однако благодаря риску в жизни каждого пирата появлялась изюминка, и пленники нередко надеялись, что корабль, на котором они находятся, захватят их сородичи, а порой и на то, что их выкупят друзья.

Каравелла XV в.

Пиратство со всеми связанными с ним перспективами было занятием весьма выгодным. Искатели приключений богатели, численность населения их опорных пунктов, обзаводившихся все более надежными укреплениями, заметно возрастала. К тому времени, как испанцы осознали, насколько опасно не вмешиваться в дела столь беспокойных соседей, исправить ситу-

ацию было уже нельзя. Изгнанные мавры наслаждались неприкосновенностью на протяжении 20 лет, в то время как испанцы, презиравшие столь малозначительного противника, упорно держали свои большие галеры в порту. В конце концов кардинал Хименес приказал дону Педро Наварро призвать пиратов к ответу. Ему с некоторым трудом удалось захватить Оран и Буджаю, а Алжир был укреплен настолько плохо, что он сумел навязать его жителям собственные условия. Наварро заставил их поклясться, что они бросят пиратство, а для того, чтобы убедиться, сдержат ли они свое слово, он велел построить мощную крепость Пеньон-де-Алжир, мешавшую их лодкам совершать вылазки. В ней он разместил гарнизон.

Однако у мавров на скалистых возвышенностях Бербера оставались и другие опорные пункты, и, уже успев ощутить восторг в погоне за испанцами, они не хотели ничего менять, особенно когда им приходилось делать выбор между пиратством и голодом. Они не готовы были копать землю и, подобно рыцарям с большой дороги, предпочитали увещевать с помощью силы. В итоге они стали ждать благоприятного момента, наступившего, когда скончался Фердинанд Католик, а затем, несмотря на Пеньон и невзирая на все беды и наказания, сопряженные с местью испанцев, отказались от данной ими клятвы и стали искать союзников.

Ждать помощи долго не пришлось, хотя в данном случае она предполагала покорение. Эпоха пиратов-мавров подошла к концу – начиная с того времени они получили возможность (которой впоследствии неоднократно пользовались) брать на abordаж и топить испанские и венецианские корабли под предводительством призванных ими союзников – турецких пиратов. Мавры проложили путь, и пиратов не нужно было долго упрашивать вступить на него.

Глава 2

Страна пиратов

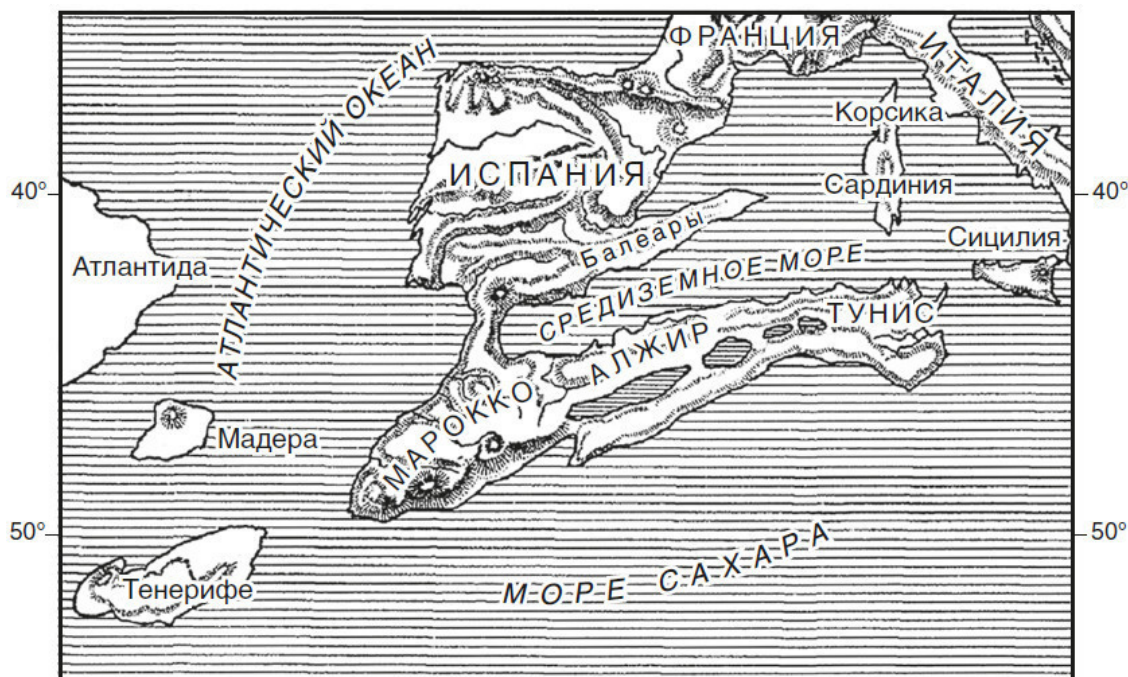

Пришло время задаться вопросом о том, каким образом вышло так, что корсары сумели занять обширные земли, где было почти все, о чем только мог мечтать пират, желавший заниматься своим делом успешно и не подвергаясь большой опасности. Географы сообщают, что по своему расположению и климату «остров» Берберии является частью Европы, в истории которой он сыграл столь неблагоприятную роль. Некогда страны, ныне известные как Тунис, Алжир и Марокко, располагались на острове, северный берег которого омывало относительно небольшое озеро, а на юге располагалась обширная территория, в настоящее время называемая Сахрой, или Сахарой, которую инженеры мечтают снова заполнить соленой водой, создав таким образом в Африке внутреннее море. Впоследствии озеро превратилось в Средиземное море, точнее в его западный бассейн, так как нам известно, что «остров» Берберии некогда являлся почти полуостровом, так как две его оконечности были соединены с Испанией и Сицилией, и что Атласские горы связывали Сьерра-Неваду с горой Этна. Перешеек между мысом Бона и Сицилией постепенно погрузился под воду, и Испанию стал отделять от Африки океан, в то время как обширное море на юге высохло, превратившись в каменистую пустыню, преимущественно известную как Сахара, пустыня, «полоса земли, пустынная, как спина чудовища, лишенная деревьев и гор».

По одному из этих узких проливов: Гибралтарскому и Мальтийскому (или даже по обоим) – должны были проходить все суда, приписанные к портам Франции, Италии и Леванта. Следует также помнить, что примерно тогда же, когда в Берберии появились пираты, через проливы из незадолго до этого открытого западного мира¹ стали поступать богатства, попадавшие впоследствии в руки представителей Востока, прибывавших во Францию и Испанию, Англию и Голландию из Александрии и Смирны. Значительная часть европейских торговых судов проходила через западный бассейн Средиземного моря, на южном побережье которого находилась Берберия. Любой храбрец, способный следить за тем, чтобы Тунис располагался на востоке, Алжир – по центру, а Танжер или Сеута – на западе, мог рассчитывать на то, что ему представится множество возможностей остановить караван торговых судов, проплывавших мимо его берлоги и перевозивших сказочные богатства. В итоге пираты оказались в весьма выгодном положении.

---

¹ Имеется в виду Новый Свет. (Здесь и далее примеч. пер.)

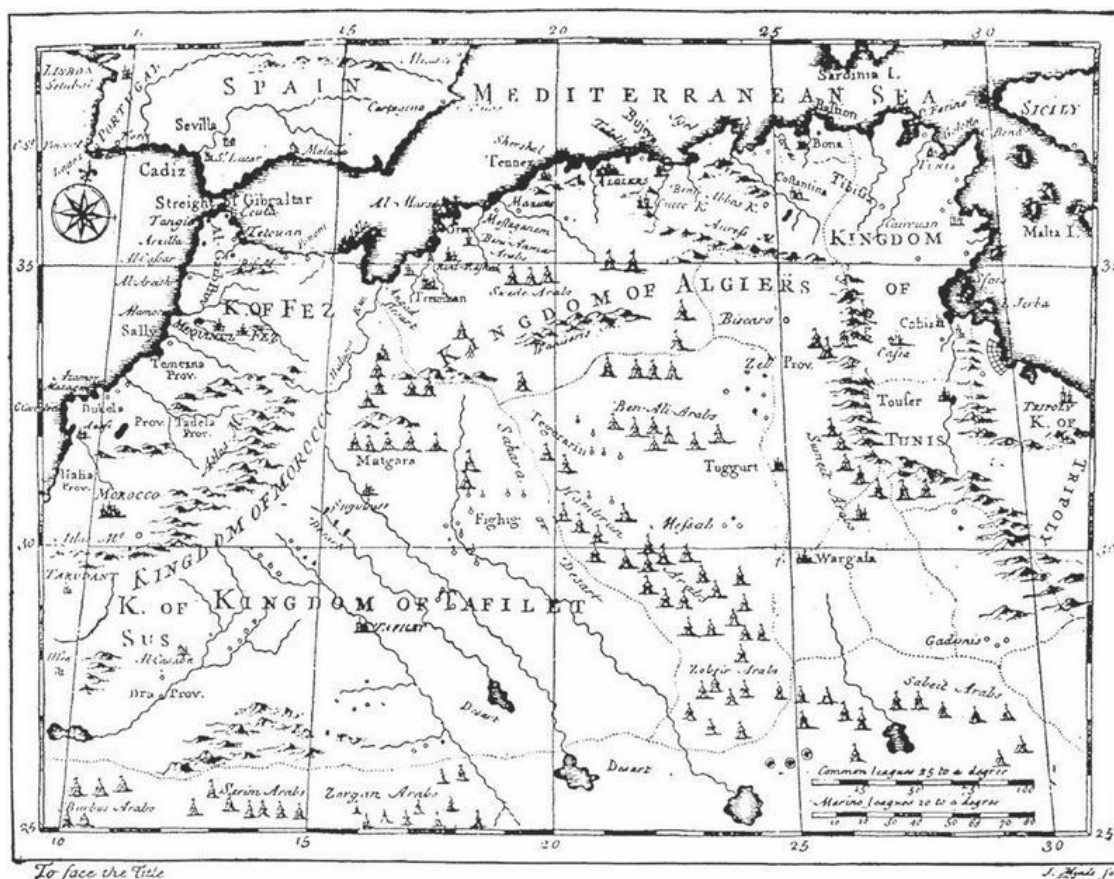
Берберский полуостров

Более того, само побережье идеально подходило для пиратов. На карте можно увидеть вереницу естественных заливов, нередко представляющих собой лагуны, благодаря которым разбойник мог сбежать от своих преследователей. Хотя в XVI в. не было глубоководных портов, предназначенных для судов с большой осадкой, на берберском побережье имелось множество ручьев, мелководных бухт и лагун, где могли укрыться пиратские галеры, осадка которых никогда не превышала шести футов. За Джербой, знаменитым островом людей, поедающих лотос², располагалось обширное внутреннее море, в Средние века контролировавшееся замками и даровавшее разбойникам убежище, за которое те всегда были благодарны. Торговые корабли, как правило, не заходили в полный опасностей залив Сидра с характерными для него сильными приливами и отливами, а также с обширными песчаными отмелями. Даже военные галеры Венеции и Испании оказывались в далеко не самом выгодном положении, маневрируя между его опасными водоворотами во время погони за пиратами, знавшими каждый сантиметр побережья.

Западнее, в Махдии, «Африке» хронистов, расположена знаменитая средневековая крепость с остатками бухты. Далее, но все еще на территории Туниса, находится самый прекрасный залив на всем берберском побережье. Пройдя через Голетту, или Горло, судно оказывалось защищенным от любых ветров, а если прорыть канал, соединяющий его с расположенным внутри материка озером Бизерт, образуется глубокая бухта, достаточно большая для того, чтобы разместить в ней все корабли Средиземноморья. Древние порты Карфаген и Порто-Фарина³ во времена пиратов были более безопасны, чем в наши дни, когда побережье засыпало песком. Осенью, когда с мыса Бона дул кипрский ветер, корабль нуждался во всех доступных укрытиях.

² Здесь присутствует отсылка к IX песни Одиссеи Гомера, в которой главный герой прибывает на остров лотофагов, поедающих лотос, дарящий забвение всем, кто его попробует.

³ Порто-Фарина – современная Гар-эль-Мела.

Карта Берберских королевств (Путешествие в Берберию для выкупа пленных, 1736 г.)

Неподалеку от современной границы Алжира находится Табарка, благодаря которой представители семейства Ломеллини сумели еще больше разбогатеть. Лакалье, некогда бывшее знаменитым пиратским притоном, обладало прекрасной бухтой, как впоследствии выяснили марсельские торговцы, прибывшие из расположенного по соседству Бастион-де-Франс, чтобы проинспектировать промысел кораллов. У расположенной южнее Боны имеются собственные дороги; к тому же прежде там находилась глубокая бухта. На скалистом полуострове, соединенном с материком песчаным перешейком, стоит Джиджел, неприступный аванпост, которым поочередно владели сначала финикийцы, затем норманны, римляне, пизанцы и генуэзцы до тех пор, пока его не захватил Барбаросса, превратив в крепость – убежище для своих пиратов с собственным портом, прикрытым естественным волноломом.

Далее располагаются Беджай (Бужа), бухта которого прекрасно защищена от любых ветров; Алжир, который в те времена еще не являлся портом, но вскоре должен был им стать; Шершель, в северной части бухты которого находится крупное возвышение, но в то же время который был весьма неплохим убежищем для разбойников; Тиннис, куда не всегда можно было попасть, но где можно было почувствовать себя в безопасности, оказавшись внутри; Оран с важной бухтой Мерс-эль-Кебир, *Portus Divinus* римлян. Взглянув на расположенную неподалеку Джамия-эль-Газават, или Мечеть пиратов, можно узнать, где находился столь любимый разбойниками ручей, возле которого, между скалами Братьев, скрывались утомленные корсары. Помимо Танжера и Сеуты (Севты), можно было найти другие укрытия, в частности знаменитый порт Сале, откуда, несмотря на песчаные отмели, множество кораблей с бесшабашными моряками на борту выходило в море, чтобы потрепать суда, возвращавшиеся из Нового Света.

На берберском побережье имелись не только многочисленные места, где можно было укрыть галеры, но и вообще все, чего только можно было пожелать. Ни одна из рек не была

судоходной, однако этот недостаток перевешивала незначительная площадь водосборного бассейна, не позволявшая образовываться полноводным потокам, так как рядом с побережьем стоят высокие и крутые горы, благодаря чему с пиратских наблюдательных постов море просматривалось очень далеко, и пираты могли заблаговременно заметить потенциальную жертву или предупредить своих товарищей о приближении противника.

Более того, земля производила все необходимое для удовлетворения потребностей человека. У подножия гор, где жили берберы, располагались степи, по которым бродили арабские пастухи, а плодородные равнины простирались вплоть до морского побережья. В Джербе прекрасно росли зерно и фрукты, виноградники, оливки, миндаль, абрикосы и инжир; Тунис стоял посреди зеленых полей и не случайно стал называться «Белой благоухающей цветущей невестой Запада», хотя второй из этих эпитетов, по словам обитателей города, на самом деле он получил из-за запаха, который издавало озеро, куда из Туниса спускали нечистоты, и который они считали неотъемлемой составляющей местного целебного климата.

Чего еще можно было хотеть от местности, которой вот-вот предстояло стать гнездом пиратов? Однако казалось, будто всех перечисленных выше преимуществ было недостаточно, ибо к ним добавлялось еще одно. У побережья случались ужасные бури, которые могли легко преодолеть те, кто имел соответствующий опыт и знал, куда плыть, в то время как для неосмотрительных моряков они были фатальны. К тому же они мешали нападениям врагов, решивших отомстить.

Осталось только объяснить, каким образом пиратам удалось овладеть территорией, где имелось и местное население, и государственные органы.

С тех пор как арабы во главе с Окбой впервые оказались в равнинах и долинах Северной Африки, единственной известной в древности части африканского континента, там сменилось множество правителей. Одна династия следовала за другой. Арабские наместники, назначенные халифами Багдада и Дамаска, уступали место представителям династий потомков Идриса (788 г. н. э.) и Аглаба (800 г. н. э.), которые, в свою очередь, уступили место халифам из династии Фатимидов (909 г. н. э.), а когда эти раскольники перенесли свой престол из незадолго до этого основанной столицы Махдии в Каир (968 г. до н. э.), их западные владения быстро распались на несколько независимых государств – Тунис, где правили Зириды, Тлемсен, находившийся под властью Хаммадидов, и другие менее значимые территории.

В конце XI в. представители берберской династии Мурабитун, или Альморавидов, объединили под своей властью значительную часть Северной Африки и Испании, но в середине XII в. вынуждены были уступить место Муваххидам, или Альмохадам, владения которых простирались от Атлантического океана до Туниса и которые сумели удерживать эти земли под своей властью на протяжении более чем столетия. На руинах державы последних стали править представители трех различных династий, сумевшие удерживать в своих руках власть на протяжении долгого времени, – Хафсиды в Тунисе (1128–1534), Зайяниды в центральном Магрибе (1235–1400) и Мариниды в Марокко (1200–1550). Для того чтобы сформировать у читателя более полное представление о хронологии, следует добавить, что в XVI в. их преемниками стали в Алжире пиратские паши (впоследствии деи), в Тунисе – турецкие паши, или беи, и султаны в Марокко⁴. Алжирские деи позже уступили место французам⁵, а над Тунисом был установлен французский протекторат⁶.

---

⁴ В настоящее время Марокко правит король. В начале XX в. это государство стало французским протекторатом и обрело независимость только в 1956 г. В этот период в Марокко продолжали сменять друг друга султаны, которые царствовали, но не правили – фактическая власть принадлежала французским генерал-губернаторам. В 1957 г., после обретения независимости, титул султана Марокко был упразднен, а султан Мухаммед V стал называться королем, получив в свои руки государственную власть.

⁵ В 1848 г. Алжир был объявлен территорией Франции. Только в 1962 г. после многолетней освободительной борьбы в результате референдума алжирцам удалось добиться от французских властей признания независимости своего государства.

Если не принимать в расчет некоторую сумятицу, связанную со сменой династий, то можно утверждать, что в целом эти африканские правители были людьми весьма просвещенными и использовали при осуществлении власти достаточно умеренные методы. По большей части они происходили из числа местного берберского населения и по вполне понятным причинам совсем не были расположены к нетерпимости или неприязненности. Христиане сохранили свои церкви, где могли спокойно совершать богослужения. Нам известно о том, что в Фесе уже в XIII в. имелся епископ, а правители Марокко и Туниса, как правило, поддерживали весьма теплые отношения с римским папой. Множество христиан служило в африканских армиях; кроме того, их даже назначали на гражданскую службу. На протяжении значительной части данного периода, начавшегося в XI в., когда воинственные Фатимиды покинули Тунис и отправились на восток – в Египет, и завершившегося в XVI в., когда на запад пришли воинственные турки, нарушившие воцарившийся в Средиземноморье мир, правители Берберии поддерживали с главами европейских государств в высшей степени взвешенные отношения, достойные самых мудрых из государственных деятелей.

Африканцы жаждали освоить многие из существовавших в Европе производств, а европейцы нуждались в африканских шкурах и сырье, в результате чего было подписано множество договоров, основывавшихся на принципе взаимности. На достижение этих взаимовыгодных договоренностей во многом повлияло превосходство перед африканскими государствами специализировавшихся на торговле средиземноморских республик. Однако нам следует обратить внимание на весьма примечательные справедливость, умеренность и кристальную честность, проявленные африканскими правителями при заключении и исполнении этих договоров. Как правило, Сицилия и специализировавшиеся на торговле республики поддерживали союзнические отношения с Тунисом, Тлемсеном и Фесом, скрепленные дружбой и взаимной выгодой. Пиза, Генуя, Прованс, Арагон и Венеция – все эти государства одно за другим заключали торговые соглашения с африканскими правителями, а затем время от времени продлевали их. За некоторыми из этих государств были закреплены отдельные кварталы в Тунисе, Сеуте и других городах. В XIII в. каждое из них имело собственного консула, которых защищали настолько рьяно, что им позавидовал бы английский официальный представитель, служивший в Алжире семьдесят лет назад.

Особенно выгодной торговля с Африкой была для пизанцев и генуэзцев, а в портах Триполи, Туниса, Буджаи, Сеуты и Сале постоянно действовала Африканская компания. Генуэзцы даже защищали Сеуту от крестоносцев-христиан – торговые интересы перевесили чувство религиозного единства. Вместе с тем у живших в Тунисе христиан еще в 1530 г. имелась собственная церковь, где они могли спокойно молиться. Во многом такая толерантность была обусловлена методами правления Хафсидов, предпочитавших умеренность и благоразумие, вследствие чего их господство над Тунисом, продлившееся 300 лет, принесло как их подданным, так и всем, кто вступал с ними в торговые и дипломатические отношения, значительную выгоду.

Конечно, нельзя сказать, что за все эти годы не случилась ни одна война и не была предпринята ни одна контрмера; также нельзя утверждать, будто благодаря договорам заниматься пиратством стало невозможно. В начале периода пребывания у власти сарацинов конфликты разгорались довольно часто. Халифы из династии Фатимидов захватили все крупные острова Западного Средиземноморья, Сицилию, Сардинию, Корсику и Балеарские острова и поддерживали там свою власть. В 1002 г. сарацины разграбили Пизу, в отместку за что пизанцы сожгли африканский флот. Через три года правитель Мальорки и завоеватель Сардинии эль-Муджахид предал огню часть Пизы. В 1011 г. произошло еще одно нападение. Сделав своим опорным пунктом город Луни в Этрурии, этот ужасный человек разорял окрестные земли,

---

⁶ Протекторат Франции над Тунисом был установлен в 1881 г. Независимость Туниса Франция признала в 1956 г.

пока папа не изгнал его из Италии, а пизанцы и другие жители Италии не вытеснили его из Сардинии (1017 г.).

Нам известно о том, как африканские корабли с далеко не самыми дружелюбными намерениями курсировали вдоль побережья Калабрии, о том, как пизанцы захватили Бону, являющуюся тогда пиратским гнездом (1034 г.). В 1087 г. была сожжена Махдия, а примерно в то же время, в 1072 г., Сицилию завоевали норманны. Однако все это происходило в самом начале рассматриваемого нами периода, да и тогда подобные случаи были скорее исключениями. На протяжении последующих столетий, когда в Северной Африке усилилась центральная власть, войны стали случаться крайне редко, а в политике начало преобладать взаимное дружелюбие.

В торговых договорах, заключаемых правителями африканских государств, всегда имелся четко сформулированный пункт о запрете пиратства. Тем не менее оно продолжало существовать, причем самыми отчаянными его приверженцами были христиане. Первые места (при этом с большим опережением) в сообществе разбойников занимали греки, жители Сардинии, Мальты и Генуи, о чем свидетельствуют тексты договоров – развитие торговли под влиянием крестовых походов являлось большим соблазном для искателей приключений, а отсутствие у какого-либо государства организованного флота делало их неуязвимыми. И когда между какими-либо народами, христианскими или мусульманскими, начиналась война, пиратство (ввиду состояния, в котором в то время находилось международное право) тотчас же становилось вполне законным каперством. Наши буканьеры, промышлявшие в Испанском Мэйн, пользовались тем же оправданием⁷.

Однако следует отметить, что в данном случае речь идет о частном пиратстве. Правители государств в Африке и Италии недвусмысленно осуждали корсаров и обещали казнить любого пирата из числа своих соотечественников, которого им удастся арестовать, а также передать все его имущество ограбленному им государству. Эти первые корсары ни от кого не зависели, вследствие чего значительно отличались от признанных государством пиратов более позднего времени. В 1200 г., в мирное время, два пизанских судна напали на три мусульманских корабля в прибрежной акватории Туниса, захватили команды в плен, изнасиловали женщин и скрылись от тщетно преследовавшего их тунисского флота. Однако в Пизе, купцы которой могли бы пострадать, если бы тунисцы предприняли ответные меры, их действия не поддержали. В Сицилии жило множество пиратов, и правитель Туниса платил норманнам своего рода дань, чтобы, помимо всего прочего, заставить их не допустить подобные выходки. Жители Арагона и Генуи грабили друг друга, а также мусульман, но все их инициативы носили исключительно частный характер, и они не получали поддержку от государства.

Вплоть до XIV в. большинство пиратов в Средиземноморье было христианами, которые зарабатывали в основном продажей награбленного добра и рабов. Затем из-за появления крупных торговых флотилий пиратство пришло в упадок, и вскоре все стали говорить не столько о европейских разбойниках, сколько о мавританских пиратах. Жители части побережья, расположенной в районе залива Габес, всегда имели склонность к пиратству, а теперь порт Махдия, или Африка, стал постоянным прибежищем для морских разбойников. Живший в XII в. аль-Бакри рассказывал о существовавшей в то время практике отправлять из гавани Боны галеры в плавание (возможно, во время войны) в поисках добычи, а Ибн Халдун, арабский мыслитель XIV в., описывает организованное сообщество пиратов в Буджае, члены которого получали значительную прибыль от захваченного имущества и крупный выкуп за пленников.

---

⁷ Автор имеет в виду события, происходившие в так называемый золотой век пиратства, а именно на первоначальном его этапе – в период буканьерства (1650–1680 гг.). Тогда английские и французские пираты с Тортуги и Ямайки активно получали каперские свидетельства от английских губернаторов последней. Впоследствии примерно таким же образом стали поступать и французские губернаторы Тортуги. Испанский Мэйн – это северное побережье Южной Америки, откуда испанцы возили в Европу колониальные богатства, а в окрестных водах или дальше в Карибском бассейне их поджидали пираты. Поэтому данный термин также может применяться и к Карибскому бассейну в целом.

Пиратство расширялось одновременно с ростом влияния турок в Леванте, впоследствии его развитие получило сильнейший толчок сразу после захвата Константинополя, в то время как из-за постепенного изгнания мавров из Испании, за которым последовало наступление христиан, в Африку прибыло множество недовольных и опустошенных морисков, жаждавших мести и охваченных единственным желанием – свести старые счеты с испанцами.

Умеренные правители государств Северной Африки ничего не могли противопоставить этим веяниям. Они так долго находились в мирных и дружественных отношениях со своими «коллегами» из государств Средиземноморья, что просто не были способны твердой рукой навести порядок с помощью силы. Их войска и флотилии были немногочисленны, а побережье было слишком длинным для того, чтобы эффективно его защищать, и изобиловало почти неприступными твердынями, в которых они не могли разместить гарнизоны. Вследствие этого мавры, прибывавшие во множестве из Испании, находили на африканском берегу безопасное убежище, а из-за проповедуемого исламом гостеприимства об изгнании беженцев не было и речи. Более того, когда из Леванта в Берберию стали прибывать вооруженные галиоты, команды которых были воодушевлены надеждами на богатую добычу, они выяснили, что местные порты легко доступны, а в небольших реках можно найти убежище. Нужно было лишь обрести точку опоры – дальнейшее затруднений не вызвало.

Именно в эти как будто ожидавшие его земли в начале XVI в. прибыл капитан Арудж Барбаросса.

Часть первая Пиратские флотоводцы

Глава 3 Арудж Барбаросса, 1504–1515 гг.

Остров Лесбос многое подарил миру, в частности лесбосское вино и лесбосскую поэзию, семиструнную лиру, поэмы Сапфо, однако последний из всех этих подарков, несомненно, оказался наиболее сомнительным, ибо замыкали череду выдающихся лесбосцев братья Барбаросса.

Завоевав остров в 1462 г., султан Мухаммед II, по словам турецких историков, оставил там сипаха по имени Якуб, в то время как испанские авторы называют этого человека коренным христианином. Так или иначе, именно он стал отцом Аруджа Барбароссы и его брата Хайр-эд-Дина. Сведения об их ранних годах, а также о причинах, побудивших связать свою жизнь с морем, разнятся. Однако Лесбос на протяжении долгого времени славился своими пиратами, как местными, так и прибывшими из Каталонии и Арагона, и нет ничего удивительного в том, что братья избрали занятие, близкое по духу храбрым сердцам и в то же время проверенное временем и вполне традиционное. Вскоре Арудж, старший из братьев, стал реисом, или капитаном, галиота и, осознав, что проведению его операций на архипелаге мешает господство флота султана, решил найти более широкое и менее нестабильное поле для своих опустошительных набегов.

Слухи об успехах мавританских пиратов достигли Леванта. Рассказывались удивительные истории об огромных караванах судов, нагруженных сокровищами из Нового Света, снующих туда-сюда по морю между Европой и Азией и как будто просивших захватить их. Вскоре (в 1504 г.) капитан Арудж уже плывал на двух галиотах вдоль побережья Берберии в поисках подходящих бухт и надежного убежища от преследователей.

В порте Туниса корсар мог получить все, что только пожелает. В те времена Голетта была слабо укреплена, и основным зданием города, помимо замка, являлась таможня, где султан из династии Хафсидов облагал податями богатства многочисленных народов. Одного вида подобного заведения было достаточно для того, чтобы разбудить воображение любого пирата. Арудж стал окучивать султана Туниса и вскоре пришел с ним к полному взаимопониманию по вопросу отчислений с украденного имущества. Корсар получил доступ во все порты Туниса, а правитель пообещал защитить его от преследований в обмен на определенную долю – пятую часть добычи. Очевидно, политика просвещенных правителей Туниса больше не устраивала последнего из них.

Обзаведясь таким образом базой для своих операций, Арудж не стал заставлять своего нового союзника долго ждать доказательств его доблести. Однажды, когда он плыл мимо острова Эльба, на горизонте показались две принадлежавшие его святейшеству папе Юлию II галеры, нагруженные всевозможными товарами из Генуи и направлявшиеся в Чивитавеккью. Они плыли неспешно, их команды даже не думали о турецких корсарах, ибо в этих водах еще

не видели ни одного из них. Да и вообще там не встречался ни один корабль крупнее мавританского брига, которому папские моряки были готовы дать отпор. Итак, две галеры плыли примерно в десяти лигах от корабля корсаров, а Арудж оценивал добычу. Взять на abordаж галеру, превышавшую судно пиратов по размерам в два раза, на борту которой находилось неизвестное количество вооруженных людей, – непростая задача для галиота с 18 банками для гребцов.

Тунис в XVI в. Из Sphere des deux Mondes, 1555 г.

Турки, входившие в команду пиратского корабля, возражали против такого безрассудства и уговаривали своего капитана поискать противника более подходящего размера. Однако вместо ответа Арудж просто сбросил большинство весел за борт, из-за чего побег стал невозможен. Затем он приказал лечь в дрейф и ждать приближения первой из галер. Она горделиво плыла по воде, а члены команды не подозревали о грозившей им опасности. Внезапно впередсмотрящий увидел тюрбаны турок, являвшиеся весьма неожиданным для итальянских прибрежных вод зрелищем, и на корабле зазвучали призывы охваченных паникой членов команды взяться за оружие. Теперь корабли плыли борт о борт, и из-за резкого града посыпавшихся на них ядер и болтов христиан охватил еще больший ужас. Вскоре Арудж и его люди взойшли на ют, а слуги его святейшества оказались в заточении.

До этого еще ни одна галера не сдавалась галиоту. Однако худшее было впереди. Арудж заявил, что хочет и должен завладеть кораблем сопровождения. Его офицеры тщетно объясняли ему, насколько опрометчиво подобное решение, и утверждали, что разумнее всего будет скрыться с богатой добычей, чем самим оказаться поверженными из-за чрезмерной жадности. Однако у корсара была железная воля, и члены его команды, окрыленные триумфом, зарази-

лись его дерзостью. Они переоделись в вещи пленных христиан и укомплектовали захваченную галеру, делая вид, будто состав ее команды не изменился. Через некоторое время подошел корабль сопровождения, команда которого ничего не знала о случившемся, пока на галеру не посыпались град стрел и немногочисленные ядра. Благодаря этому корабль удалось взять приступом до того, как моряки успели прийти в себя.

Арудж привез свою добычу в Голетту, где прежде не видели ничего подобного. «Невозможно выразить словами, какое изумление и потрясение, – пишет Аэдо, – это благородное деяние вызвало в Тунисе и в христианском мире, и то, с каким почтением с тех пор стали произносить имя реиса Аруджа. Во всем мире его стали считать самым отважным и предприимчивым командиром. А из-за того, что борода, которую он носил, была ярко-рыжего цвета, с тех пор его стали называть Барбаросса, что в переводе с итальянского означает „Рыжая борода“».

Благодаря захвату папских галер Арудж получил то, чего так давно желал, – гребцов. Отныне его турки только сражались, а на веслах сидели пленные христиане. Так поступал каждый пират на протяжении столетий, да и христианские корабли передвигались по морю за счет рабов-мусульман. Подобная практика, очевидно, добавляла в сражение определенную и весьма своеобразную изюминку, ибо получалось, что человек держит в своем домашнем хозяйстве собственных врагов. Венецианский флотоводец прекрасно знал, что две или три сотни рабов, трудившихся на его галере, страстно желают разорвать цепи и присоединиться к врагу. На корабле турецкого пирата также имелись упрямые субъекты, готовые воспользоваться первой же возможностью, чтобы поднять бунт с целью поддержки христианского противника своего капитана. Поэтому часто случалось так, что победу обеспечивали сильные руки закованных в цепи рабов противника, готовых обменять оставшуюся половину своей жизни на победу над врагом. Однако быстрая плеть боцмана, ходившего по палубе между банками с гребцами, никуда не пропадала и по-прежнему являлась аргументом, противостоять которому были способны совсем немногие спины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.